

*ИСТОРИЯ
МОЕЙ ЖИЗНИ*

Я-АГАТА
КРИСТИ

История моей жизни

Я – Агата Кристи

«Издательство АСТ»

2015

Я – Агата Кристи / «Издательство АСТ», 2015 — (История моей жизни)

Королева детектива не нуждается в представлении. Почти столетие она гордо носит этот титул. За эти годы тысячи авторов написали миллионы детективов, но ни одному не удалось даже немного потеснить ее на троне. И мало кто знает, что Агата Кристи с детства была косноязычной, не училась в школе, а все ее мечты были лишь о том, чтобы удачно выйти замуж. Как викторианская барышня стала королевой детектива? Прочитайте эту книгу, и вы увидите, что иначе и быть не могло...

, 2015

© Издательство АСТ, 2015

Я – Агата Кристи

Составитель Е. Мишаненкова

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Агата Мэри Кларисса Миллер, вошедшая в историю литературы как Агата Кристи, родилась 15 сентября 1890 года в Девоншире.

Ее родители – Клара и Фредерик Миллеры – были хорошо обеспеченными представителями верхушки британского среднего класса, того самого, который предстает перед читателями на страницах большинства ее романов. Кстати, сама будущая королева детектива вовсе не была чистокровной англичанкой. Но зато история брака ее родителей похожа на запутанный викторианский роман.

Дело было так. Отец Фредерика, богатый американец, переехал в Англию и вторым браком женился на англичанке Маргарет Уэст. У нее была сестра, которая недавно овдовела и едва сводила концы с концами, воспитывая четверых детей – трех мальчиков и девочку. Маргарет решила помочь сестре и взяла на воспитание свою племянницу Клару.

По семейной легенде Миллеров, когда Кларе было одиннадцать лет, и она считала себя уродиной, ее двадцатилетний «кузен Фред», как она называла пасынка своей тети, сказал ей, что у нее красивые глаза. И «с того момента сердце Клары безвозвратно принадлежало Фреду». Тот, естественно, в то время относился к ней лишь как к милому ребенку, да и вообще в основном жил в США, где всюду крутил романы. Но когда ребенок вырос и превратился в очаровательную девушку, Фредерик как раз решил остепениться и, оглядевшись, не нашел никого лучше своей «тихой маленькой кузины». Они поженились и прожили вместе тридцать три счастливых года.

Когда люди честно любят друг друга, у них не остается выбора.

Агата была третьим и младшим ребенком в семье Миллеров.

Сестра Мэдж (Маргарет Фрэри) и брат Монти (Луис Монтан) были на одиннадцать и десять лет старше ее. Неудивительно, что в детстве они почти не общались. «Я плохо помню своих брата и сестру, – писала она в автобиографии, – думаю, оттого, что они были в школе. Брат – в Хэрроу, а сестра – в Брайтоне, в школе мисс Лоренс, которая впоследствии стала Роудин».

Маргарет родилась в девонширском городке Торки, где Миллеры снимали квартиру. В то время это был модный морской курорт, где проводили зиму многие американские друзья Фредерика. Монти появился на свет уже в Америке, где Миллеры собирались обосноваться, но прошло немного времени, и обстоятельства заставили их вернуться в Англию. И на сей раз Клара вместо того, чтобы подыскать новую съемную квартиру, неожиданно потратила все свое наследство на то, чтобы купить в Торки собственный дом.

«Кончилось тем, что отец не построил дом в Америке, – вспоминала Агата Кристи. – Он так полюбил Торки, что не захотел уезжать оттуда, обосновался в своем клубе и наслаждался вистом и обществом друзей. Мама терпеть не могла жить возле моря, не любила светской жизни и была не способна играть ни в одну карточную игру. Но она счастливо жила в Эшфилде, давала званые обеды, занималась общественной деятельностью и тихими вечерами с горячим нетерпением расспрашивала папу о местных драмах и о том, что сегодня произошло в клубе».

А через десять лет в этом доме на свет появилась Агата.

Именно по прошествии лет в памяти остается самое главное, отсекая все несущественное.

Об отце Агата вспоминала всегда с неизменной нежностью.

«Оглядываясь в прошлое, я понимаю, что в нашем доме в самом деле царил благоденствие и главной его причиной была необыкновенная доброта моего отца», – писала она. Правда, она признавала, что других выдающихся достоинств у него не было, не говоря уж о том, что ему никогда не приходилось зарабатывать себе на жизнь. Она вспоминала: «Он был ленив. Но в его времена никто не работал, имея постоянный доход, никто и не ждал этого...

Каждое утро он покидал наш дом в Торки и отправлялся в свой клуб. К обеду возвращался в коляске, а после полудня снова ехал в клуб играть в вист и приезжал домой как раз вовремя, чтобы переодеться к ужину... Иногда папа с удовольствием играл в любительских спектаклях. У него было несметное количество друзей, и он обожал приглашать их в гости. Два или три раза в неделю родители выезжали сами...

У него было простое и любящее сердце, и он действительно любил людей. Выделяло его отменное чувство юмора, он легко мог рассмешить кого угодно. В нем не было ни мелочности, ни ревности, он отличался фантастической щедростью, вплоть до расточительности. Счастливый и безмятежный».

Впрочем, как большинство детей в те времена, сама Агата отца любила в основном издали. Их общение обычно сводилось к тому, что он желал ей спокойной ночи, а по утрам она приходила пожелать ему доброго утра и получить в подарок деньги на карманные расходы.

В наши дни доброта не слишком ценится. Людей гораздо больше интересует, умен ли человек, трудолюбив ли, приносит ли пользу обществу, вписывается ли в принятые рамки поведения.

Богатое воображение Агата Кристи унаследовала от матери.

«Мама была наделена настолько сильным воображением, что не могла воспринимать мир как однообразные будни. У нее бывали удивительные вспышки интуиции – или внезапной способности читать мысли», – вспоминала она. В их семье сохранились легенды о том, как мать узнавала о любых их поступках, как бы они ни пытались их скрыть. А старшая сестра Агаты, Мэдж, даже говорила: «Если я не хочу, чтобы мама о чем-то узнала, я даже думать об этом не стану в ее присутствии».

Но у богатого воображения Клары Миллер была и обратная сторона – склонность все драматизировать и бросаться в крайности. К счастью, это уравновешивалось спокойным характером Фредерика. Ее религиозные метания и воспитательные эксперименты менее терпеливого человека могли бы вывести из себя, тогда как он относился к этому философски. Тем более что излишне пылкое воображение не мешало Кларе быть хорошей хозяйкой.

«Слуги и дети были всецело преданы ей и немедленно повиновались каждому ее слову», – вспоминала Агата Кристи. – Она могла бы стать первоклассным педагогом. Все, что она говорила, казалось важным и неизменно вызывало прилив энтузиазма». К тому же Клара вызывала всеобщее уважение тем, что всегда и во всем была настоящей леди. «Со слугами надо обращаться особенно вежливо... – говорила она. – Надо всегда проявлять особенную учтивость к людям, чье положение не разрешает отвечать в том же тоне».

Не думать ни о чем – невозможно себе представить! Она обычно думает о трех вещах одновременно.

С сестрой Мэдж Агата в детстве общалась очень мало.

Потом она вспоминала, что та была с ней ласкова, рассказывала ей сказки и пыталась чему-нибудь научить. Но между ними было одиннадцать лет разницы, поэтому их пути довольно долго почти не пересекались. Агата Кристи вспоминала:

«В нашей семье «умницей» раз и навсегда была признана моя сестра. Директриса ее школы в Брайтоне настаивала на том, чтобы сестру послали в Гиртон. Папа расстроился и сказал:

– Мы не хотим, чтобы Мэдж выросла синим чулком. Лучше отправим ее заканчивать образование в Париж.

Так моя сестра, к полному своему удовольствию, поехала в Париж, поскольку ни под каким видом не желала ехать в Гиртон. Мэдж и в самом деле была «головой». Остроумная,

большая выдумщица, обладающая мгновенной реакцией, она всегда добивалась успеха во всем, за что бы ни бралась».

Но обо всех этих событиях Агата наверняка знала только понаслышке, потому что даже к тому времени, как ее старшая сестра вернулась из Парижа, ей было всего пять лет. Мэдж честно попыталась заняться ее воспитанием и образованием, играла с ней, учила ее французскому (безуспешно), рассказывала ей сказки и участвовала в любительской постановке первого написанного маленькой Агатой рассказа. Но, конечно, у юной леди, уже начавшей выезжать в свет, было слишком мало общего с пятилетним ребенком. Так что по-настоящему сестры подружились только много лет спустя.

Те проявления врожденного снобизма, которые оказались не чуждыми моему детству, не так невыносимы, как снобизм, идущий от богатства или интеллекта. Нынешний интеллектуальный снобизм породил особую форму зависти и злобы.

К брату Монти маленькая Агата испытывала иррациональное обожание.

А он, конечно, как большинство подростков, относился к маленьким девочкам с пренебрежением и ничуть этого не скрывал. «Брат... – вспоминала Агата Кристи, – безжалостный задира, называл меня обычно «тощим цыпленком», и я всякий раз обливалась слезами. Почему это прозвище так оскорбляло меня, не знаю. Совсем крошкой я бежала к маме жаловаться и хныкать: «Я ведь не тощий цыпленок, правда, мамочка?» На что мама невозмутимо отвечала: «Если ты не хочешь, чтобы он тебя дразнил, зачем ты все время ходишь за ним по пятам?»

Ответить на этот вопрос было невозможно; обаяние Монти действовало на меня с такой силой, что я решительно не могла отстать от него».

Впрочем, Монти был чувствителен к обожанию, поэтому время от времени снисходительно разрешал сестре в чем-нибудь ему помогать, познакомил ее с семьей белых мышей, которых пытался дрессировать, а однажды даже взял с собой на лодочную прогулку, откуда Агата вернулась совершенно зеленая и уверенная, что никогда в жизни больше не захочет сесть в лодку.

К сожалению, Монти унаследовал обаяние отца и материнскую склонность к крайностям, но не обладал и толикой их основательности и разумности. Всю жизнь он так и порхал от одного увлечения к другому, растрачивая семейные деньги и принося родственникам одну головную боль за другой.

В любой семье всегда найдется постоянный объект беспокойства и хлопот.

Первым воспоминанием Агаты был ее третий день рождения.

Лучше всего ей запомнились не подарки и угощения, а чувство собственной значительности, которое она тогда испытывала. И конечно, детали – те самые мелочи, которые мало что значат, но почему-то крепко врезаются в память: «На чайном столике, уставленном множеством сладостей, меня поджидает облитый сахарной глазурью торт с тремя свечами. Но главное событие дня – это крошечный красный паучок, настолько маленький, что я едва могу его разглядеть; он бежит по белой скатерти, и мама говорит:

– Это паучок счастья, Агата, паучок счастья в честь твоего дня рождения...»

Самый важный «персонаж» детских воспоминаний Агаты Кристи – это сад, к которому она, как истинная англичанка, питала самые нежные чувства. «С каждым годом он значил для меня все больше и больше, – говорила она. – Я знала в нем каждое дерево и каждому приписывала особую роль». Причем к прозаической огородной части сада она относилась равнодушно, а обожала именно парковую его часть, которая в те времена представлялась ей настоящим лесом: «В моем воображении он выглядел, да и сейчас смутно вырисовывается как самый настоящий Нью-Форест. Лиственный, скорее всего ясеневый, лес, с вьющейся между деревьями тропинкой. Все, связанное с представлением о лесе, жило здесь. Тайна, опасность, запретное удовольствие, неприступность, неведомые дали...»

Самое большое счастье, которое может выпасть в жизни, это счастливое детство.

Самым близким человеком для маленькой Агаты была ее няня.

В мемуарах она ее так и называет – Няня – с большой буквы. «Главной фигурой детства была Няня, – пишет она. – И мы с Няней жили в нашем особом собственном мире, Детской».

Няня водила ее гулять, укладывала спать, няне она рассказывала свои фантазии и страхи. Это был ее оплот стабильности в большом мире, который благодаря богатому воображению нередко представлялся ей довольно страшным и беспокойным местом. Но она знала, что всегда может вернуться в детскую, «где царила Няня – раз и навсегда, непреложно и неизменно».

Самые теплые воспоминания Агаты Кристи были именно о детской, где на стенах были розовато-лиловые ирисы, на столе стояла керосиновая лампа, а у стола сидела няня и что-нибудь шила.

Первым большим горем для нее по ее собственному признанию, стала разлука с няней. Один из прежних воспитанников, разбогатец, предложил той оставить работу и поселиться вместе с сестрой в принадлежащем ему коттедже. Няня долго колебалась, но она была уже стара (предположительно ей было уже за семьдесят) и в конце концов приняла щедрое предложение.

«Я невыносимо скучала по Няне, – вспоминала Агата Кристи, – и каждый божий день посылала ей короткие, со строчками, бегущими вкривь и вкось, и кучей ошибок письма». Порт-

рет няни, написанный в те годы, когда та еще работала в семье Миллеров, до конца жизни висел в доме писательницы в Девоне.

Всю жизнь я тщательно следила за тем, чтобы не кидаться на детей с непрошеными поцелуями. Бедные малютки, ведь они совершенно беззащитны.

Агата Кристи говорила, что со слугами ее связывали гораздо более близкие отношения, чем с друзьями родителей.

«Если бы я вдруг оказалась теперешним ребенком, – писала она в автобиографии, – то, может быть, сильнее всего тосковала бы по слугам. В каждодневную жизнь ребенка они вносили, конечно, самые яркие и сочные краски. Няни поставляли общеизвестные истины, слуги – драматические коллизии и все прочие виды необязательных, но очень интересных жизненных познаний. Далекие от угодничества, они зачастую становились деспотами. Слуги знали свое место, как тогда говорили, но осознание своего места обозначало не подхалимство, а гордость, гордость профессионалов».

Она всегда с нежностью вспоминала и стокилограммовую кухарку Джейн, прослужившую у них сорок лет и каждый день готовившую к обеду «пять различных блюд на семь или восемь персон», и многочисленных горничных, и конечно няню. При этом нельзя сказать, что Миллеры были так уж богаты. Просто в то время труд прислуги стоил недорого, и любая приличная семья могла позволить себе хотя бы одну служанку. «Наличие слуг не являлось признаком особой роскоши, – вспоминала Агата Кристи, – отнюдь не только богатые люди могли позволить себе это удовольствие. Единственное различие состояло в том, что богатые могли позволить себе иметь больше прислуги. Они нанимали камердинеров, лакеев, экономок, главную горничную, помощниц горничных, помощниц кухарки и т. д.»

Страшно подумать, как мало ты иногда знаешь о человеке, с которым столько лет прожил под одной крышей.

В детстве Агата Кристи придумывала себе воображаемых друзей.

Видимо, потому что реальных у нее не было. Брат и сестра были намного старше, а кроме семьи и прислуги, она почти ни с кем не общалась. И даже домашние животные у нее появились

далеко не сразу. А с куклами ей играть было не особо интересно. Зато у нее было очень богатое воображение, способное заменить буквально все на свете.

«Больше всего я любила превращаться в кого-нибудь, – вспоминала она. – Сколько себя помню, в моем воображении существовал целый набор разных придуманных мною друзей. Первая компания, о которой я ничего не помню, кроме названия, – это Котята. Кто были Котята, не знаю, – не знаю также, была ли я одним из них, – помню только их имена: Кlover, Блэки и еще трое. Их маму звали миссис Бенсон».

К Котятам Агата стала охладевать, когда выяснила, что об ее игре знают няня и горничная. Почему-то это для нее стало «страшным ударом», и с тех пор она стала скрытничать и не бормотать вслух во время своих игр. А потом придумала себе новых друзей, не менее странных, чем прежние: «От Котят я перешла к миссис Грин. У миссис Грин было сто детей, но самыми главными всегда оставались Пудель, Белка и Дерево. Именно с ними я совершала все свои подвиги в саду. Они не олицетворяли собой точно ни детей, ни собак, а нечто неопределенно среднее между ними».

Недостаток воображения предрасполагает к преступлению.

Агата с детства обожала слушать увлекательные истории.

Рассказывали ей их прежде всего няня и мама. Правда, совершенно по-разному.

Няня, по воспоминаниям Агаты Кристи, знала всего шесть историй. Раз в день она выводила свою маленькую воспитанницу на обязательную прогулку, во время которой и рассказывала ей одну из сказок, на выбор. И несмотря на то, что в них ничего не менялось, няня не уставала их рассказывать, а Агата слушать.

Другое дело мамыны сказки. Без сомнения, дар сочинителя и богатую фантазию Агата Кристи унаследовала именно от Клары. Та тоже рассказывала ей каждый день какую-нибудь историю, но ни одна из них не повторялась. И более того, она их сочиняла прямо на ходу.

В мемуарах Агата Кристи вспоминала, что когда закончились ее любимые сказки о мышке Большеглазке, она так плакала, что мама пообещала ей новый цикл сказок, о Любопытной Свече. «У нас были готовы уже два эпизода из жизни Любопытной Свечи, явно носившие детективный характер, когда вдруг, ни с того ни с сего, появились непрошенные гости; они пробыли у нас несколько дней, и наши тайные игры и истории повисли в воздухе неоконченными. Когда гости наконец уехали, я спросила маму, чем же кончается «Любопытная Свеча», – ведь мы остановились в самом захватывающем месте, когда преступник медленно подливал яд в подсвечник, – мама страшно растерялась и явно не могла вспомнить, о чем идет речь. Этот прерванный сериал до сих пор тревожит мое воображение».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.